

Они лежали плечом к плечу. Воздух струился в тишине, стрекот невидимых в траве цикад становился всё отчетливее, а сладкий, густой аромат османтуса окутывал их всё мягче.

Бо Хуай вдруг приподнялся на локте, подперев голову ладонью, и посмотрел на Цзянь Суньи сверху вниз.

— И до какой же степени, по-твоему, нам нужно соблюдать дистанцию?

Они оказались совсем близко. Цзянь Суньи почувствовал на щеке легкое, едва уловимое дыхание — и по коже тут же разлился едва заметный румянец.

Цзянь Суньи по-прежнему смотрел в сторону. Он упрямо сжал губы, не зная, что ответить.

— Например, больше не спать в одной комнате? — вкрадчиво продолжил Бо Хуай. — Не ездить в школу в одной машине? Не обедать вместе? Или нам и за одной партой сидеть больше нельзя?

— Да нет же! — Цзянь Суньи порывисто обернулся к нему. — Я вовсе не это имел в виду...

Начал он слишком резко, но под конец голос его упал и растерял всю уверенность. Цзянь Суньи явно и сам уловил эти нотки паники в собственных словах и теперь злился на себя за секундную слабость.

Бо Хуаю вдруг стало совестно: он вел себя откровенно скверно, буквально зажимая парня в угол.

С другой стороны, кто бы мог подумать, что Цзянь Суньи — вечный задира, привыкший ставить весь мир на уши, — в таких деликатных вопросах окажется настолько невинным? До нелепости, до очаровательной глупости невинным.

Его так и подмывало продолжить эту игру.

Он понизил голос до вкрадчивого шепота:

— Тогда объясни, что ты имел в виду. Не хотелось бы мне истолковать твои слова превратно и снова тебя задеть.

Судя по невозмутимому виду Бо Хуая, тот совершенно не заметил его недавней минутной слабости и того, как отреагировало тело. Цзянь Суньи мысленно перевел дух, но тут же укорил себя за дурацкую, ни с того ни с сего поднятую тему.

«Я ведь чист перед самим собой, так с какого перепугу я веду себя так, будто пытаюсь замести следы?»

Если и дальше городить этот огород, между ними вырастет стена неловкости, а это лишь пойдет во вред их дружбе.

Бо Хуай действительно дорожил им, и Цзянь Сунъи совсем не хотел портить то, что их связывало.

Он болтнул ногами, свесившимися с помоста, и выдавил свою привычную ленивую ухмылку:

— Ай, забей, сболтнул глупость ради смеха. Считай, я ничего не говорил. Всё остается прежнему, как и раньше.

— Но разве ты теперь не Омега?

— И что с того, что Омега? Что, Омега уже и с Альфой дружить не может? Мне тогда что, прикажешь до старости лет только с Чжоу Ло под ручку ходить? Если наши помыслы чисты и скрывать нам нечего, то к чему эти условности? Согласись, ведь так оно и есть?

Цзянь Сунъи и сам толком не понимал, кого он сейчас пытается убедить: Бо Хуая или собственного внутреннего червяка сомнений.

Бо Хуая, разумеется, такой поворот более чем устраивал.

Сам-то он как раз был грешен в своих помыслах, но какая к черту разница? Цзянь Сунъи всё равно пока ни о чем не догадывался.

У Сун-Суна кожа на лице была тонкой, а гордость — непомерной. Раз уж выдал такое обещание, ни за что не пойдет на попятную из принципа. Раз разрешил вести себя как ни в чем не бывало — значит, Бо Хуай волен делать абсолютно всё. Даже если у этого упряма от смущения уши запыхают, гордость не позволит ему заикнуться о протесте.

Идеальная мишень для безжалостных подначек.

Прекрасно ведь понимает, что он теперь Омега и между ними лежит пропасть физиологии, но при этом умудряется оставаться настолько безоружным перед ним одним.

Ну разве не сказка?

Пусть это и было с его стороны коварно, но он честно искупит свою вину позже — будет

баловать его и во всем уступать. Пусть Сун-Сун отыгрывается на нем сколько душе угодно.

Бо Хуай повеселел. Не отвечая прямо на его тираду, он лишь прищурился и лукаво приподнял уголок губ:

— Ты читал «Меч Небес и Саблю Дракона»?

— А? — Цзянь Сунъи опешил от столь резкого скачка мысли. — Нет. А что не так?

— Да ничего особенного. Как-нибудь на досуге дам тебе почитать, тебе полезно будет. Ладно, уже поздно, пора возвращаться в общежитие.

Договорив, Бо Хуай легко соскочил с гимнастического помоста.

Цзянь Сунъи тут же сиганул следом.

То ли судьба подыгрывала коварным планам Бо Хуая, то ли гимнастический мат лежал как-то криво, но Цзянь Сунъи умудрился приземлиться аккуратно на самый край и снова подвернул ногу. Упасть ему, впрочем, не дали — Бо Хуай молниеносно перехватил его поперек талии, удерживая на весу.

Чужие пальцы скользнули по сверхчувствительной коже у бедра. Цзянь Сунъи словно током ударило — он мгновенно вытянулся в струнку.

Бо Хуай как ни в чем не бывало отпустил его и с предельно невозмутимым лицом поинтересовался:

— Что-то не так?

— Всё нормально.

Отрезав эти два слова, Цзянь Сунъи пониже нахлобучил козырек кепки и стремительным шагом пропустил вперед, не оборачиваясь.

Бо Хуай задумчиво потер подушечки пальцев, чувствуя оставшееся тепло, и улыбнулся еще шире.

И всё-таки дразнить его — чистейшее удовольствие.

На следующий день, когда опубликовали списки команд для сдачи нормативов, ребята из первого класса единогласно постановили: у Ян Юэ подобрался классический расклад — три легендарных чемпиона тащат за собой одного «бронзового» новичка.

Про Цзянь Сунъи и Бо Хуая даже заикаться не стоило, а Сюй Цзясин, хоть и плелся в самом хвосте по успеваемости, был физоргом класса и обладал поистине звериной физической подготовкой.

Общий лимит составлял пятнадцать минут. Стратегию выстроили жесткую: на долю Ян Юэ выделили от семи до восьми минут, Сюй Цзясину отвели три, а Цзянь Сунъи и Бо Хуай должны были железно финишировать быстрее двух минут каждый.

Поскольку показатели Ян Юэ колебались сильнее всего, его благоразумно поставили на первый этап — так бегущие следом могли маневрировать по времени. Сюй Цзясин перехватывал эстафету вторым. Весь вопрос упирался в то, кому бежать последний, решающий отрезок.

Бо Хуай ответил не задумываясь:

— Пусть Цзянь Сунъи бежит на финише.

Роль героя, спасающего команду в безнадёжной ситуации, чертовски подходила этому гордому мальчишке. Пусть финиширует эффектно, сорвет лавры триумфатора и порадует.

Остальные двое согласно кивнули. В конце концов, для успеха дела было неважно, кто из этих двоих будет ставить жирную точку.

Но Цзянь Сунъи вдруг пошел наперекор:

— Нет, замыкающим пойдет Бо Хуай.

Бо Хуай удивленно вскинул брови.

Цзянь Сунъи лениво одернул манжеты спортивной куртки:

— Не собираюсь подтирать за всеми хвосты и в случае чего оставаться крайним.

Ян Юэ действительно был пороховой бочкой: на вчерашней репетиции его показатели скакали от приемлемых семи минут до кошмарных девяти, а то и десяти.

Стоит толстяку дать слабину, и им с Бо Хуаем придется буквально прыгать выше головы.

И как бы Цзянь Сунъи ни претило это признавать, Бо Хуай оставался Альфой. Чистая выносливость и взрывная сила этого пола превосходили его собственные параметры — против врожденной физиологии не погрешь при всем желании.

Он вовсе не считал себя слабее. Просто понимал: Бо Хуай ему не соперник. Он — надежный товарищ, которому можно доверить спину. Так к чему глупое упрямство, если можно распределить силы максимально эффективно?

Истинная гордость кроется не в слепом эгоцентризме и вечном желании утереть всем нос, а в умении встать плечом к плечу и показать абсолютный, безупречный результат.

За более чем десять лет близкого знакомства Бо Хуай научился читать этого парня как открытую книгу. Сун-Сун мог сколько угодно язвить, но его истинные мотивы всегда оставались кристально ясными.

Бо Хуай с теплотой подумал, что всё-таки недооценивал своего гордеца. За три года разлуки тот не просто вытянулся — он закалил характер. Его вечная манера распускать хвост перед окружающими оказалась не глупой спесью, а обратной стороной гибкой, упругой силы.

К тому же он научился думать о других.

Бо Хуай мягко улыбнулся:

— Слушаюсь, тренер. Будь уверен, я не подведу.

Гулко бахнул стартовый пистолет.

Ян Юэ ураганом сорвался с места. Первые препятствия дались ему на удивление легко, даже под низко натянутой сеткой он прополз без заминок, уложившись в график. Беда пришла откуда не ждали — на штурме отвесной стены парень намертво застрял.

Вцепившись в канат обеими руками, он упорно пытался затащить свое грузное тело наверх, перебирая ногами по вертикальной обшивке. Но каждый раз, когда до заветного края оставалось всего ничего, силы покидали его, и он беспомощно сползал обратно.

Секунды таяли с пугающей быстротой. Одноклассники, наблюдавшие со стороны, затаили дыхание; кое-кто уже порывался крикнуть, чтобы они сдавались и не мучили парня — от постоянного трения о жесткий канат его ладони наверняка превратились в сплошное кровавое месиво.

Однако ни Цзянь Сунъи, ни Бо Хуай даже не шелохнулись. Они спокойно стояли у кромки поля, провожая Ян Юэ уверенными, твердыми взглядами.

Даже Сюй Цзясин не поддался всеобщей панике — он методично продолжал разминку, полностью готовый сорваться с места по первому сигналу.

Эта глухая, непоколебимая вера сокомандников словно передалась Ян Юэ через разделявшие их сотни метров. Толстяк яростно взревел, стиснул зубы и, вложив в последний рывок остатки угасающих сил, буквально взлетел на стену. Не задерживаясь ни на секунду, он добежал до вышки, сиганул вниз на маты и с размаху хлопнул ладонью по кнопке колокола.

В ту же долю секунды вперед торпедой ушел Сюй Цзясин.

На таймере застыли безжалостные цифры: девять минут сорок секунд.

Это означало, что у троих оставшихся участников на всё про всё есть жалкие пять минут и двадцать секунд.

Норматив армейского спецназа на «отлично» составлял минуту тридцать. Сюй Цзясин прекрасно отдавал себе отчет в том, что обязан оставить Цзянь Суньи и Бо Хуаю хотя бы три минуты чистого времени.

Для этого ему требовалось прыгнуть выше собственной головы.

И он выдал свой лучший результат.

Вечно расслабленный по жизни, привыкший плыть по течению и ни о чем не париться, сейчас он буквально рвал жилы. Сюй Цзясин летел по трассе разъяренным зверем и сумел выиграть для финального дуэта целых три минуты и пятнадцать секунд.

Но даже этот подвиг не гарантировал победы. Минута тридцать на полосе препятствий — планка, непосильная для большинства обычных солдат, не говоря уже о вчерашних школьниках.

Какими бы одаренными ни были двое их лидеров, они оставались всего лишь старшеклассниками, не проходившими изнурительную армейскую муштру изо дня в день. Уложиться в оставшийся лимит было бы самым настоящим чудом.

Однако в душе Цзянь Суньи царило абсолютное, ледяное спокойствие.

Минута сорок секунд — запредельно жесткий темп, но он знал, что справится.

А даже если случится непредвиденное и он допустит ошибку, на финише его подстрахует Бо Хуай.

Этот человек никогда его не подводил.

Так к чему лишние нервы?

Освободившись от лишнего груза ответственности, его тело обрело поразительную легкость и пластичность. Цзянь Сунъи летел по трассе стремительно и плавно, пружиня на препятствиях, словно молодой бамбук под порывами ветра.

Когда под его ладонью зазвенел финишный колокол, секундомер замер на отметке: минута тридцать девять секунд.

Полигон онемел от изумления.

Этот сумасшедший рекорд заставил даже самых отъявленных скептиков поверить в невозможное. Теперь все взгляды были прикованы к Бо Хуаю: успеет ли он совершить чудо за оставшиеся девяносто шесть секунд?

Каждому на этой площадке отчаянно хотелось прикоснуться к чуду, и даже суровый инструктор Хуан Мин затаил дыхание.

Когда юношеский пыл и упорство достигают такого накала, равнодушным остаться невозможно.

Бо Хуай сорвался с места.

Его высокий, ладный силуэт пронесся над пыльным полигоном стремительным росчерком, словно порыв холодного осеннего ветра.

Зигзаги, ров, колючая проволока, узкое бревно... Позади остались триста пятьдесят метров сложнейшей трассы.

В запасе — всего четырнадцать секунд.

Рывок за канат, три мощных шага по отвесной стене — и он уже на гребне.

Осталось шесть секунд.

Вспышка бега до вышки.

Три секунды до конца.

Прыжок в бездну матов.

И резкий, торжествующий звон колокола.

Хуан Мин с размаху щелкнул кнопкой секундомера и во всеуслышание объявил:

— Команда Бо Хуая, Цзянь Сунъи, Сюй Цзясина и Ян Юэ зачет завершила! Итоговое время — четырнадцать минут пятьдесят девять секунд. Оценка — отлично!

И весь первый класс, отбросив соперничество и личные обиды, в едином порыве взорвался оглушительными аплодисментами.

Они аплодировали этому безрассудному товариществу и чистой юношеской отваге, не пасующей перед трудностями.

Инструктор Хуан смотрел на раскрасневшихся, сияющих подростков, и его старая досада на несправедливость судьбы испарилась без следа.

Да, мир устроен неравно. Одни рождаются под счастливой звездой, другие — вечно бьются лбом о глухие стены. Но есть на свете одна высшая справедливость: у каждого в этой жизни бывают его собственные семнадцать лет.

Золотая пора. Время, когда он сам, будучи новобранцем, тайком ревел от усталости и хозяйских окриков старшины... Но даже сейчас он признавал: краше тех лет у него ничего не было.

На другом конце плаца Бо Хуай легким движением уклонился от удушающих объятий сияющего Ян Юэ и аккуратно высвободил ногу из тисков восторженного Сюй Цзясина.

Размеренным шагом он приблизился к Цзянь Сунъи, который вальяжно подпирал ствол раскидистого дуба, лениво покусывая зажатый в зубах тонкий стебелек дикого щетинника.

— Ну как, тренер, доволен моим результатом?

Цзянь Сунъи снисходительно кивнул пару раз — дескать, сойдет для первого раза.

Бо Хуай ухмыльнулся и сделал еще шаг вперед, сократив дистанцию до каких-то жалких сантиметров. Чуть склонив голову, он негромко спросил:

— Раз тренер доволен, могу я рассчитывать на награду?

Бо Хуай протянул руку и аккуратно вытащил стебелек у него изо рта. Зажав травинку между пальцами, он ловко провернул ее в воздухе:

— Пожалуй, вот этот трофей меня вполне устроит.

—...

Цзянь Сунъи одарил его взглядом как умалишенного, красноречиво закатил глаза и небрежно кивнул на заросшую сорняками обочину:

— Если у тебя дефицит сена в организме, я могу сегодня ночью организовать пацанов — мы тебе тут всю поляну под корень выкосим.

Бо Хуай тихо рассмеялся:

— Зачем же крайности? Мне вполне достаточно этой.

Из нее получится отличный памятный подарок.

К моменту завершения сборов практически весь первый класс умудрился сдать все дисциплины на круглую «пятерку».

Старина Бай светился от гордости как начищенный медный таз. По дороге назад, прямо в грохочущем школьном автобусе, он громогласно выделил четверку героев, рассыпаясь в похвалах их сплоченности, железной дисциплины и взаимовыручки.

Поток его красноречия не иссякал добрых двадцать километров пути, и даже когда колеса автобуса зашуршали по гравию у школьных ворот, классный руководитель замолчал с явной неохотой.

С легким сожалением поправив очки, он объявил:

— Ладно, на сегодня закругляемся, официальные грамоты вручим в понедельник на торжественной линейке. Завтра у нас четверг, так что занятия по расписанию, прогулы не прощу. Однако руководство школы вошло в положение и отменило все сегодняшние уроки после обеда, включая вечернюю самоподготовку. Общажные — марш в спальный корпус отсыпаться, приходящие — пулей домой. Поешьте нормально мяса, выспитесь как следует. Чтобы завтра я не видел в классе вареных овощей вместо бодрых учеников. Всё поняли?

Вырвавшиеся из лап армейского ада бедолаги дружно, но крайне безжизненным хором простились:

— Поня-я-яли...

Стоило ногам ребят коснуться земли вне автобуса, как Ян Юэ, загребая под локоть Сюй Цзясяна, с сияющей физиономией преградил дорогу Цзянь Сунъи и Бо Хуаю:

— Уважаемые отцы! Ваше преданное, хоть и непутевое чадо горит желанием проявить сыновнюю почтительность. Не окажете ли вы мне великую честь принять скромное подношение?

Цзянь Сунъи сморщился:

— На человеческий переведи.

— В знак безграничной благодарности хочу накрыть поляну! Жареное мясо, шашлычки, холодное пиво и килограммов пять сочных раков сверху. Ну что, по рукам?

— Лично я только за, — хмыкнул Цзянь Сунъи. — Но ты лучше у Бо Хуаи спроси. Наш молодой барин жутко привередлив, уличные забегаловки за километр обходит.

Бо Хуай недоуменно изогнул бровь:

— Можно подумать, ты сам завсегдатай уличных палаток?

Насколько Бо Хуай помнил, в кулинарных вопросах Цзянь Сунъи был во сто крат капризнее любого ресторанного критика.

Цзянь Сунъи гордо вздернул подбородок:

— Естественно, ем! Я ценю вкус еды, а не пафос заведения. Это ты у нас рафинированный принц крови, которому подавай серебряную посуду.

—...

Бо Хуай лишь подивился поразительному умению этого парня валить с больной головы на здоровую. Оставив его реплику без ответа, он просто кивнул Ян Юэ в знак согласия.

Ян Юэ расплылся в счастливой улыбке:

— Заметано! Сейчас еще Чжоу Ло с Юй Цзыго наберу, гулять так гулять. Чем больше народу, тем веселее.

Руководствуясь вечным принципом «на халяву и уксус сладкий», приглашенные согласились без лишних уговоров. Одно лишь предвкушение возможности знатно объесть товарища грело им душу.

Компания из семи человек шумной толпой направилась к выходу с территории школы.

После тяжелых сборов все наконец переоделись в гражданское. Надо же было такому случиться, что одежда на ребятах оказалась всех цветов радуги. Чжоу Ло с Юй Цзыго на радостях тут же окрестили их компанию «великолепной семеркой прекрасных девиц», за что немедленно поплатились штрафом в размере порции сочного свиного бока с каждого. Шутники сочли это жестоким произволом, но спорить не решились.

Так, подкалывая друг друга на каждом шагу, они и добрались до места.

Шашлычная, которую советовал Ян Юэ, притулилась довольно далеко от их школы — в одном из колоритных тупиков Старого района.

Таксист под неусыпным контролем Ян Юэ выписывал такие крендели по узким улочкам, что все остальные пассажиры очень скоро начисто потеряли ориентацию в пространстве.

Когда машины наконец затормозили, ребята высыпали на тротуар. Миновав глухой проулок, они вышли к крутой цементной лестнице, ведущей куда-то вниз. Над самым спуском красовалась выдавшая виды, выцветшая вывеска.

Шашлычная слепца: барбекю-самообслуживание, гриль, раки, ночные закуски, напитки

Перила вдоль ступеней давно проржавели и сплошь заросли каким-то диким вьюном. Внизу открывался просторный внутренний дворик, залитый бетоном. Покрытие местами шло трещинами, но было подметено дочи́ста. По периметру дымили мангалы, стояли простые столы под огромными пляжными зонтами.

У самой стены ютились две приземистые кирпичные постройки — судя по всему, тамошняя кухня.

Ян Юэ бодро зашагал вниз по ступеням:

— Вы на антураж не смотрите, тут чистота идеальная, а готовят — пальчики оближешь! Мясо свежее, без всякой дряни и сомнительной химии. Настоящий хит среди местных, так что нос не воротите.

На полпути он вдруг притормозил и обернулся, заговорщически понизив голос:

— Да, чуть не забыл. Заведение держит пожилая пара. Хозяин действительно слеп, но мясо жарит — божественно, равных ему нет. Хозяйка тоже крутится как белка в колесе, женщина золотая. Люди они простые, честные, просто жизнь у них не сложилась. В общем, ведите себя прилично, без дурацких подколов, ладно?

Все согласно закивали и гуськом двинулись дальше.

Цзянь Суньи прошел несколько ступеней, но интуиция заставила его обернуться. Предчувствие не обмануло: Бо Хуай застыл на самом верху лестницы.

Он стоял, опустив ресницы, словно погруженный в тяжелые думы.

Цзянь Суньи вздохнул и поднялся обратно к другу:

— Проблемы?

— Да нет, всё в порядке, — Бо Хуай небрежно поправил лямку рюкзака на плече, стараясь говорить как можно обыденнее. — Просто не привык я к подобным заведениям. Опасаюсь за свой желудок, вот и раздумываю, стоит ли рисковать.

— И к какому выводу пришел консилиум?

— Раз уж ты туда спускаешься, разве у меня есть выбор? Пошли, а то Ян Юэ опять включит свою бурную фантазию и насочиняет с три короба.

Бо Хуай мягко улыбнулся и, по-свойски закинув руку на плечо Цзянь Суньи, увлек его за собой вниз по ступеням.

Налетевший порыв ветра качнул ржавые перила, и сухая, безжизненная ветка дикого вьюна с тихим сухим треском переломилась пополам.

<http://bllate.org/book/20583/2178261>